

13. Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Т. III.
14. Макогон Б. В. Процессы глобализации в современном праве и их проявление в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015.
15. Медушевский А. Н. Российская правовая традиция – опора или преграда? М., 2014.
16. Пашенцев Д. А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридические науки. 2016. № 1.
17. Розин В. М. Проблема инновационного творчества российских судей // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. М.: Эдиториал УРСС, 2013.
18. Сергеева Т. Н. Правовые ценности и правотворчество в современном праве // Московский юридический журнал. 2018. № 3.
19. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010.
20. Синюков С. В. Механизм правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
21. Скоробогатов А. В. Правовая традиция как культурная матрица // История государства и права. 2024. № 2.
22. Сонин В. В. Правовая культура и правовая традиция в их соотношении // Правоведение. 2014. № 2(313).
23. Цветикова Т. Н. Правовая культура, традиции и обычаи: их соотношение и взаимодействие // Юридические науки. 2022. № 2.
24. Шатковская Т. В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4.
25. Швеков Г. В. Преемственность в праве (эксплуататорские системы). М.: Высш. шк. 1983.
26. Юшков С. В. История государства и права СССР.

А. В. Скоробогатов,

доктор исторических наук, профессор,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Цель статьи состоит в философско-правовом исследовании категории «цифровые права человека». Цифровой поворот привел к появлению пятого поколения прав человека. Речь идет о совокупности прав человека в виртуальном пространстве, которые эксплицируют цифровые потенциалы личности в правовой коммуникации. Эти права получили название «цифровые права человека».

Действия цифровых прав основаны на их добровольном принятии субъектом правовой коммуникации. Наиболее значимым среди них является право на забвение, которое связано с обеспечением кибербезопасности.

Ключевые слова: цифровые права человека, правовая коммуникация, правовое взаимодействие, поколения прав человека, цифровое право, цифровое бытие человека, право человека на забвение

THE NATURE OF DIGITAL HUMAN RIGHTS: PHILOSOPHICAL AND LEGAL RESEARCH

Abstract. The purpose of the article is to conduct a philosophical and legal study of the category of "digital human rights". The digital turn has led to the emergence of the fifth generation of human rights. This is a set of human rights in the virtual space that explicate the digital potential of the individual in legal communication. These rights are called "digital human rights". The action of digital rights is based on their voluntary acceptance by the subject of legal communication. The most significant among them is the right to be forgotten, which is associated with ensuring cybersecurity.

Keywords: digital human rights, legal communication, legal interaction, generations of human rights, digital law, digital existence of a person, the human right to be forgotten

Введение. Современное общество переживает цифровой поворот, главным катализатором которого является бурное развитие компьютерных технологий. В науке под цифровым поворотом понимается «состояние изменения методологических подходов к получению нового знания в результате появления электронного (цифрового) типа социальной коммуникации» [4. С. 15]. Все больше сфер социального бытия подвергаются оцифровке и вторжению цифровых технологий и искусственного интеллекта. Получает широкое распространение использование социальных сетей, электронной коммерции и телематической деятельности как на уровне государственных и частных организаций, так и в личной сфере. Это не только приводит к трансформации социальных и правовых взаимодействий, но и порождает новые коммуникативные возможности для человека в его индивидуальном, коллективном и виртуальном образе, которые привели к формированию цифрового (информационного) общества.

Однако цифровое общество подразумевает нечто большее, чем только Интернет, и включает в себя набор социальных, экономических, культурных и правовых взаимосвязей, в которых информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) посредством огромного разнообразия устройств, инструментов и инфраструктур позволяют производить, распространять и обрабатывать информацию. Благодаря развитию цифровых технологий ИКТ присутствуют во многих видах деятельности человека, не только при автоматизации многих процессов в организациях, но и в задачах личного и социального характера.

Основная часть. Расширение роли ИКТ сопровождается существенными изменениями в организации и функционировании социальной реальности, на первое место в которой выступает транснациональная безопасность человека. В этих условиях не только происходит возникновение новых прав человека, связанных с использованием информационных технологий, но и встает вопрос об их природе.

Традиционно права человека рассматривались через призму достижения баланса между интересами человека в его индивидуальном и коллективном выражении и государства в процессе их взаимодействия в социальной реальности. Речь шла о создании механизма обеспечения безопасности человека и предоставления ему возможности реализовать свои потенции в соответствии с предоставленными ему возможностями, а также достижении конституционного равновесия [13]. Большую роль при этом играл источник происхождения прав человека (природа или государство), который определял потенциальные возможности политической власти легально ограничить действие этих прав. Примером может служить ст. 48 Конституции Германской империи 1919 г., предусматривающая право президента приостанавливать действие прав человека в случае введения чрезвычайного положения [1].

С появлением Интернета, а затем социальных сетей возникла принципиально новая среда социального взаимодействия, которая носит не просто экстерриториальный, а транснациональный характер [2]. Это позволяет говорить об их универсальности, хотя последняя может существовать лишь в информационном обществе. Возможности виртуального взаимодействия опосредованы не только действиями субъекта (человека, социальных групп, государства, международных организаций), но и зависят от технических условий функционирования новой коммуникативной среды, архитектура которой в значительной степени определяется транснациональными корпорациями, производителями, продающими и управляющими продуктами и услугами цифровых технологий, например, Google. Как следствие, изменяются источники формирования прав человека, которые приобретают не только социальный, но и технический характер.

В этой связи на повестку дня встает вопрос о природе прав человека в современном обществе и о степени их тождественности правам, выделенным наукой ранее. Наиболее целесообразным нам представляется рассмотреть этот вопрос через призму концепции поколений прав человека, которая в наибольшей степени учитывает не только содержание этого явления, но и их происхождение и природу.

Классическая теория поколений прав человека сложилась в середине 1970-х гг. «В зависимости от природы права человека были разделены на три поколения: (1) личные (гражданские) и политические права; (2) экономические, социальные и культурные права; (3) коллективные права (или, выражаясь словами основоположника теории К. Васека, «права солидарности») [19]. В конце XX в. наряду с тремя классическими правами человека был поставлен вопрос о четвертом поколении, появление которого было вызвано расширением пределов правового регулирования и вторжением в жизнь человека результатов биологических и технологических инноваций [7. С. 123].

В группу прав человека «четвертого поколения» следует включить: права личности в информационной сфере, т. е. права, связанные с цифровым бытием человека в социальной реальности (информационные права личности); права личности на социальную идентификацию, связанные с обеспечением социальных и правовых гарантий самоотождествления человека с определенным социумом и формированием его безопасного взаимодействия как с членами данного социума, так и с иными лицами в процессе межгрупповой коммуникации и др.

Однако обозначенные права эксплицируют социальное бытие человека и в настоящее время уже не охватывают все стороны жизни общества. Процессы информатизации и виртуализации общественных отношений и социальной коммуникации не только позволяют говорить о формировании принципиально новой среды взаимодействия человека с иными лицами, социальными группами, обществом и государством, которую можно обозначить как цифровое бытие человека, но и о появлении новых прав и обязанностей, которые существуют лишь в виртуальном пространстве. Речь при этом идет не просто о расширении пространства действия позитивного и социального права, а о формировании совершенно иных правил взаимодействия, не имеющих аналогов в физическом мире (цифровое право).

Это ставит на повестку дня вопрос о необходимости разработки механизма защиты индивидуальных и социальных интересов человека в виртуальном пространстве [14. Р. 21]. Одним из перспективных направлений такой деятельности нам представляется разработка теории пятого поколения прав человека. Эти права эксплицируют цифровые взаимодействия человека, юридических лиц, общества и государства. Для обозначения таких прав используется понятие «цифровые права человека» (киберправа). Содержание этого вида прав составляют возможности человека действовать и реализовывать свои потенции в киберпространстве. Выделение этих прав призвано защитить интересы человека в виртуальном пространстве и социальной реальности.

Появление новой категории прав детерминировано угрозами, которые несет возросшая возможность обмена информацией.

Во-первых, речь идет об угрозе конституционной идентичности личности со стороны других лиц (индивидуальных и коллективных, включая государство и международные организации). Примером могут являться клевета, разжигание ненависти, киберзапугивание, детская порнография, которые не только конструируют новый цифровой образ человека, но и ведут к разрушению и даже полному уничтожению личности индивида в виртуальном пространстве.

Во-вторых, существуют технические возможности блокировать или ограничивать передачу информации, которые могут использоваться не только лицами, ответственными за разработку и модерацию контента, но и политическими субъектами, например, государством. Последнее с целью защиты конституционного строя может придать своим действиям характер не только легальности, но и легитимности [11]. При этом возникает коллизия между осуществлением человеком своих прав и национальной безопасностью. Для России эта коллизия в соответствии с архетипами соборности и этатизма традиционно решается в пользу общих интересов, выразителем которых является государство.

В-третьих, поскольку информация может быть конфиденциальной и (или) может включать личные данные, незаконный доступ к такому контенту может нарушить права, направленные на защиту личной сферы человека. Противодействие таким угрозам может выражаться не только в распространении действия нормативных запретов на виртуальное пространство, но и в противодействии распространению недостоверной информации в Интернете. Примером реализации первого направления могут служить нормы уголовного права, запрещающие «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй

мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны» (ч. 1 ст. 354.1 УК РФ [9]). Для легализации и институализации второго направления в нашей стране предусмотрено создание единой системы противодействия распространению недостоверной информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [6].

В-четвертых, угрозу человеку несет потенциальная возможность оператора незаконно использовать (в т. ч. путем передачи) информацию, затрагивающую персональные данные человека. Противодействие подобным действиям предполагает необходимость создания правового и технического механизма их недопущения [12].

В значительной степени специфика правовой природы цифровых прав человека связана с особенностью регулирования отношений в виртуальном пространстве. В отличие от социальной реальности, где конструирование правовых норм преимущественно осуществляется на основе вертикальной коммуникации, в виртуальной среде формирование правил взаимодействия между субъектами происходит в процессе горизонтальной коммуникации. Правовые нормы в этом случае представляют собой конвенциональный результат взаимодействия равноценных субъектов в сфере достижения бесконфликтного сосуществования в пределах виртуального сообщества, с которым себя идентифицируют субъекты конкретного коммуникативного акта. Даже в случае создания правила поведения в виртуальной среде одной из интернет-платформ, ее соблюдение и распространение осуществляется не столько путем принуждения, сколько в форме их добровольного признания субъектами виртуального взаимодействия [18]. Это позволяет рассматривать данный вид коммуникации как квазигоризонтальный. «Однако в отличие от классической формы горизонтальной коммуникации при квазигоризонтальной коммуникации главным является не столько форма, сколько смысл, восприятие которого адресатом является не точным отражением значения, заложенного в него адресантом, а “добровольным принятием, основанным на ценностном суждении”» [8. С. 190]. Однако это «добровольное принятие» является не априорным, а зависит от авторитета адресанта [19. Р. 121].

Следует различать информационные и цифровые права человека. Первые являются продолжением прав человека в социальной реальности и регулируются нормами национального и международного права. Последние же связаны с реализацией непосредственно в виртуальном пространстве и эксплицируют цифровые потенции правовой коммуникации. Особенностью цифровых прав является ценностный характер, детерминирующий диспозитивность действия, основанную на их добровольном принятии. В этом смысле цифровые права можно рассматривать в качестве правовых принципов [9], определяющих основы организации, функционирования и развития виртуальной реальности. Главным при этом является готовность субъекта не только к равноправному взаимодействию с иными лицами, но и потребность в создании и соблюдении правил поддержания бесконфликтного сосуществования в виртуальном сообществе (специфичной форме номинальной социальной группы), с которым себя идентифицирует индивид.

Е. Х. Кова Фернандес приводит авторскую концепцию цифровых прав: право на примирение семьи и работы; право на постоянное обновление основных

и юридических прав в информационном обществе; право на обучение и грамотность в области цифровых, медийных и информационных навыков; право на объединение (цифровые сообщества и т. д.); право на нейтралитет в Интернете; право на доступ, исправление, аннулирование и возражение на использование персональных данных; право на свободный и равный доступ к услугам связи и информации; право на соответствующее, простое и полное взаимодействие с государственными и частными административными учреждениями; цифровая идентификация; конфиденциальность, защита персональных данных и кибербезопасность; право на равное участие в цифровом мире; обеспечение сетевого нейтралитета; право на специальную защиту несовершеннолетних, людей с функциональным разнообразием, пожилых людей (неблагополучных и/или уязвимых людей) в цифровом мире; право на цифровое включение; право на равные возможности в цифровой экономике, производстве и распространении информации и на рынке труда; право на данные о праве защиты; содействие обмену знаниями и творчеством: свободное программное обеспечение и технологическое развитие; этическое использование искусственного интеллекта; цифровое наследие; эффективное возмещение ущерба и доступ к правосудию в случае нарушения цифровых прав; право на прозрачность и ответственность при использовании алгоритмов; право подавать апелляцию и требовать пересмотра человеком автоматизированных решений, принятых экспертными системами или другими типами технологий; право на защиту цифрового наследия культуры, языка, истории человечества [15. Рр. 75–76].

В настоящее время наибольшее значение среди цифровых прав человека имеет *право на забвение (право быть забытым)*. С одной стороны, это право уже получило регламентацию в национальных и международных нормативных правовых актах [16] и судебной практике [5]. Понятие «право на забвение» определяет возможность личности контролировать свои данные, актуализируя их содержание, и требовать их блокировки или удаления, а также обязанность лиц, владеющих ресурсами хранения информации или модерлирующих такие ресурсы (операторов), уточнить, заблокировать или удалить информацию личного характера (ссылки на информацию) по требованию ее автора. Несмотря на то, что оператор выступает адресантом правовой коммуникации, в случае реализации человеком как адресатом правовой коммуникации своего права на забвение происходит инверсия субъектов. Автор персональных данных, обращаясь с требованием удаления информации о себе, выступает активным субъектом коммуникации, т. е. превращается в адресанта вертикальной коммуникации, в то время как оператор, на которого возлагается обязанность ее удаления, становится пассивным субъектом, т. е. адресатом.

Наряду с требованием человека удалить персональные данные, возможны и иные формы реализации права на забвение оператором, среди которых можно обозначить: отсутствие необходимости хранения такой информации; отзыв автором своего согласия на обработку персональных данных; юридически обоснованное возражение человека против обработки данных относительно себя; незаконный характер обработки персональных данных; наличие установленных законом обязательств для уничтожения персональных данных – по истечении срока, если сбор персональных данных носил временный характер. Хотя в Федеральном законе «О персональных данных» право на забвение нормативно не определено, при

характеристике права субъекта персональных данных на доступ к его персональным данным предусмотрены их блокировка или уничтожение в случае их искажения (ч. 1 ст. 14).

Заключение. Таким образом, переживаемый современным обществом цифровой поворот породил принципиально новые права человека, которые можно обозначить термином «цифровые права человека» (киберправа), представляющие собой совокупность прав человека в виртуальном пространстве и эксплицирующие цифровые потенции правовой коммуникации. Цифровые права имеют ценностный характер и предполагают диспозитивное действие, основанное на их добровольном принятии. По своей природе и особенностям действия цифровые права можно рассматривать как права человека пятого поколения. Несмотря на большое число выделяемых в науке цифровых прав, наиболее урегулированным как в международном праве, так и в национальных правовых системах является право на забвение, связанное с обеспечением безопасности киберкоммуникации.

Список литературы

1. Конституция Германской империи (11 августа 1919 г.) // Конституции буржуазных государств. М.; Л.: Госсюцгиздат, 1935. – Т. 1: Великие державы и западные соседи России. С. 83–115.
2. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 140–145.
3. Лонская С. В. Цифровая история права: начала методологии // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2(1). С. 14–33. EDN: CFNAHC.
4. Оганесян Т. Д. Правовые основы, пределы и стандарты применения права быть забытым: опыт Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 3. С. 750–767.
5. Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» на создание и обеспечение функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов: Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1844 (ред. от 09.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 47. Ст. 7545.
6. Прокопович Г. А. Современный подход к классификации прав и свобод человека и гражданина // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 118–124.
7. Самохина Е. Г. Право и нарратив. Предисловие к лекции Дж. Элкинса «В чем суть нарративной юриспруденции?» // Правоведение. 2011. № 6. С. 186–193.
8. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2020. Т. 24, № 3. С. 547–571.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.
11. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.
12. Alexy R. The Construction of Constitutional Rights // Law & Ethics of Human Rights. 2010. Vol. 4, № 1. Pp. 21–32.
13. Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London, New York: Routledge, 2023. xii, 242 p.
14. Cova Fernández E.J. Derechos Humanos y Derechos Digitales en la Sociedad de la Información // Revista DH/ED: derechos humanos y educación. 2022. № 6. Pp. 61–80.
15. Lambert P. The Right to be Forgotten. London; New York; Dublin: Bloomsbury Professional, 2022. xxxvi, 525 p.
16. Perelman Ch. Justice, Law, and Argument: Essays on Moral and Legal Reasoning. Dordrecht; Boston: Reidel, 1980. xiii, 188 p.
17. Suzor N. Digital constitutionalism: Using the rule of law to evaluate the legitimacy of governance by platforms // Social Media and Society. 2018. Vol. 4(3). Pp. 1–11.
18. Vasak K. A 30-year struggle: The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // The UNESCO Courier: a window open on the world. 1977. Vol. XXX. Iss. 11. Pp. 28–29, 32.

В. С. Кононов,

магистр частного права, аспирант,

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ТЕОРИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Аннотация. В статье раскрываются закономерности, связанные с системой органов публичной власти, влияние на нее технологических укладов, выделены внутренние связи в системе органов, их влияние на правосубъектность органов публичной власти, раскрыт подход постклассической теории на природу и состав такой правосубъектности, рассматриваются признаки органа публичной власти как субъекта права.

Ключевые слова: закономерность в праве, конструктивизм, мем, орган публичной власти, постклассическая теория права, правосубъектность, правоспособность, субъект права, юридическая воля

THE THEORY OF PUBLIC AUTHORITY LEGAL PERSONALITY: INFLUENCE OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS

Abstract. The article reveals the patterns associated with system of public authorities, the influence of technological structures on it, highlights internal